

Л. В. Первушина

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ Р. КРУШИНЫ АМЕРИКАНСКОГО ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ

Литература белорусской эмиграции представляет особое явление в поликультурном американском обществе. Оформлялось оно в 1950-е годы силами послевоенной волны прибывших в Северную Америку политических эмигрантов, среди которых были уже известные на родине литераторы – Н. Арсеньева, А. Адамович, К. Акула, А. Березка, Ю. Витьбич, А. Галина, А. Змагар, Я. Золак, М. Кавыль, В. Клишевич, Р. Крушина, А. Сакович, М. Седнёв, В. Седуро, Я. Юхновец, С. Ясень и др.

Тематику произведений названных литераторов предопределял круг вопросов, которые так или иначе связаны с культурно-историческим наследием белорусов, их национальными традициями. Естественно, отражались также индивидуальные травмы сознания, вызванные разрывом связей с родиной, ассимиляцией (или сопротивлением ей), социально-культурной адаптацией к жизни в принимающей стране. Соответственно, требует внимания их творчество в условиях инонациональной среды, а прежде всего – специфика идентичности, формировавшейся в результате взаимодействия разнонациональных культур. Исходно есть все основания утверждать, что, как правило, их художественным исканиям свойственны белорусоцентричность, сохранение национального самосознания и белорусской самоидентификации. Важной характеристикой литературы, созданной писателями-эмигрантами, является устойчивое присутствие в ней ностальгии – причем не только как «тоски по родине, стремления к родному краю и возвращению домой» (от греч *nostos* ‘возвращение домой’ и *algos* ‘страдание’), но и как особого вида онтологического, бытийного состояния, которое является принципиально важным для осмысления жизни, судьбы, роли и места в сложной системе координат Старый-Новый Свет.

Ностальгией большой силы окрашено творчество Рыгора Крушины (настоящее имя – Рыгор Казак) (1907–1979) – яркого представителя белорусской литературы в США. Известный поэт, прозаик, критик, он начал публиковаться в Беларуси и утвердился как писатель на просторах родины. В 1934 г. он стал членом Союза писателей Беларуси. Путь изгнанника для Р. Крушины начался в 1944 году в связи с вынужденной эмиграцией в Германию, а в 1950-х гг. он переехал в США. Как известный уже писатель, он был одним из основателей Белорусского института науки и искусства в Нью-Йорке (1951), активно занимался общественной и редакторской деятельностью. За тридцать лет интенсивной творческой работы в эмиграции Р. Крушина издал семь сборников поэзии: «Лебедзь Чорная» (1947), «Выбранае» (1957), «Вячорная лірыка» (1963), «Хвіліна роздуму» (1968), «Вясна ўвосень» (1972), «Дарогі» (1974), «Сны і мары» (1976); он является также автором шести поэм, вошедших в сборник «Выбранае» (Нью-Ёрк, 1957): («Персідская легенда» (1946), «Эротава скрыпка» (1948), «Кантата

самотных» (1951), «Калыханка» (1950–1952), «Паэма пра вусны» (1955), «На руінах пачуцця» (1957). Р. Крушина представил и ряд прозаических произведений: «Вялікодны падарунак» (1953), «Чорныя дразды» (1950-е), «Гасцінная куцця» (1950-е), «Падарунак паўстанца (Успамін)» (1950), «Хрыстоў дар» (1961), «Юбіляр» (1975). Он известен и как автор многих литературно-критических произведений, посвященных проблемам истории, культуры, творчества писателей-современников: «Маладняк» (1956), «Дзядзька Колас» (1956), «Пагібель праз жарты: успамін» (1956), «Думкі аб паэзіі» (1958), «Успаміны пра Кузьму Чорнага» (1961) «Памяці Язэпа Пушчы» (1964), «Змітрок Бядуля» (1965), «Сымон Будны» (1965), «Янка Журба» (1966) и др.

Однако поэзия является той художественной областью, в которой наиболее отразилась ностальгия. Глубокие ностальгические чувства становятся для поэта способом эмоционального познания мира, а также самоисследованием, выражением самоидентификации эмигранта, соединившего в своем сознании опыт жизни в метрополии, тяготы жизни в разных странах и транснациональный опыт Америки. Через активизацию памяти и рефлексирующее сознание лирического героя и самого автора рассматриваются мировоззренческие, онтологические, гносеологические и аксиологические проблемы: «здесь»-«там», «свой»-«чужой», «родина»-«изгнание», «близкое»-«далекое», «Старый» и «Новый Свет», осмысливаются культурная идентичность автора, его национальное самосознание, значимость сохранения культурных ценностей прошлого. Необходимо отметить, что основные образы и мотивы в литературном мире Р. Крушины существуют не автономно, а в единстве их многоуровневых, системных взаимоотношений, отражая мировоззренческие установки, философские, этические и эстетические принципы. Наиболее значимыми и частотными для творчества Р. Крушины являются ностальгические мотивы *покинутой родины и чужбины, возвращения в прошлое, поиска потерянной земли, отчуждения от себя и одиночества вдали от родины, тоски и неприятия чужбины как новой реальности*. Закономерным результатом этого становится мотив самоидентификации в среде американской действительности, а также осмысление природы творчества писателя-изгнанника. Картина мира, представленная в литературном наследии автора американского периода эмиграции, складывается из диалога часто воспроизводимых и повторяемых ностальгических мотивов, их переключек при постоянном присутствии в художественном хронотопе.

В творчестве Р. Крушины с большой интенсивностью проявляется национальное самосознание, и лейтмотивом проходят два сильных разновекторных чувства – любовь к Родине и неизменно, постоянно присутствующее чувство чужбины. Эмиграция наполняет сердце лирического героя, а значит, и самого автора, горечью и тоской по родной стране, которая одновременно символизирует и его малую родину, и его потерянный дом («Апошняя ростань», «Белая туга», «Тое, што марыцца», «Год сямнаццаць таму назад», «Заклятае калоссе», «У Сахары» и др.). Характер авторских воспоминаний – искренний, чистосердечный, проникновенный, во многом – исповедальный.

Если рассматривать отдельно мотив самоощущения/самоопределения его лирического героя в иноязычной среде чужой культурной действительности («Вераснёвыя чорныя дні», «Прывід»), то следует отметить, что он отражает как особенности ориентации личности, оказавшейся на перекрестке многих координат («Лётная пасадка»), так и конкретно ставит вопрос о роли поэта и его месте в эмиграции (произведения «Чужая зіма», «У засмучаных эмоцыях», «А тут інакш» и др.). Лирический герой пытается уловить знакомые сердцу родные мелодии в чужом окружении («Родныя гукі»), восстанавливает образы близких и дорогих ему людей – матери («Да цябе, дарагая»), родственников, друзей («Познім вечарам»), задает вопрос о возможности возвращения домой («Фантазёр», «Усюды дарогі»). Поскольку покинутая родина существует за пределами обозримой реальности, в ускользающей, постоянно находящейся в движении памяти, то автор в своем сознании возрождает романтизированные образы Беларуси – опоэтизированной, прекрасной и далекой («Нёман бяжыць», «Паветраныя замкі»), оживляет давнюю мечту о возвращении в родной дом, в доброе и безопасное общество («Сны і мары»). Большое значение имеют воскрешенные образы родной природы («Веснавы парастак», «На пракосах», «Свет багаты, нязмерна шырокі»).

Имманентно присутствует в поэзии Р. Крушины и *мотив странствия*, который передает атмосферу сложности пребывания на чужой земле и отражает состояние надломленности, затерянности, беспокойства, разлада сознания, мучительного переживания и отсутствия возможности быть причастным к событиям, происходящим на своей Родине. Данный мотив, как и другие повторяющиеся, выявляет суть феномена эмиграции, разрушающей плавное течение времени и жизненно необходимые связи между людьми.

Р. Крушина – писатель который активно искал новые изобразительно-выразительные возможности поэзии, придавал большое значение формотворчеству. Известно, что он «впервые ввел в белорусскую литературу такие стихотворные формы, как палиндром, туюг, газель, канцону, японские танки, а также писал сонеты, триолеты, рондо, октавы, терцины, продолжая начатое М. Богдановичем, В. Дубовкой, Я. Пущей...» (Л. Савик «Пакліканыя. Літаратура беларускага замежжа», 2001. С. 320). В то же время все новые формы автор наполнил глубоко национальным содержанием, архетипами, анималистическими образами, картинами родной природы, в целом – ностальгией по вечной родине и вечным ценностям. Таким образом, эмигрантская поэзия Р. Крушины американского периода его творчества является попыткой преодоления необратимости истории и стремлением превратить реальное историческое время в особое художественное пространство Памяти.